

УДК 94(470.5)(09) + 930(470)

А. В. Иванов

**АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УРАЛЬСКИХ
ЗАВОДАХ В 1918 Г. (СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)**

Дается историографический анализ трудов советских историков 20–70-х гг. XX в., освещающих антибольшевистское движение на уральских заводах в 1918 г.; анализируется эволюция концептуальных подходов к изучению проблемы; отмечаются достижения и недостатки отечественной исторической науки в разработке данной темы.

Ключевые слова: историография; Гражданская война в России; Урал; рабочий класс; антибольшевистское движение.

Вопрос об участии рабочих Урала в антибольшевистских выступлениях на начальном этапе Гражданской войны советской историографией решался по схеме, предусматривавшей два варианта ответов: либо полное игнорирование этого феномена, либо его объяснение недостаточным развитием классового самосознания части рабочих и, вследствие этого, их подверженностью влиянию «мелкобуржуазной стихии». Глубоких исследований этого явления не проводилось, поскольку оно не укладывалось в марксистско-ленинскую концепцию роли рабочего класса как главной движущей силы социалистической революции.

Методологический подход советских историков к данной проблеме был обусловлен прежде всего идеологическими установками. Усомниться в преданности рабочего класса делу коммунистической партии, пусть даже какой-то его части, пусть даже на отдельно взятом этапе борьбы за социализм, означало поставить под сомнение не только официальную версию характера и целей совершенной революции, но и наличие социальной базы установленного в результате нее режима. Вместе с тем взгляды советских историков на место и роль рабочих Урала в революции и Гражданской войне были далеко не беспочвенными. Полагаю, мы не слишком погрешим против истины, предположив, что изучавшие эту проблему ученые в значительной мере были дезориентированы той всеобщей эйфорией, которая охватила рабочих в период осуществления национализации горнозаводских округов, находившихся в ведении акционерных компаний. Поддержка мероприятий центральных и местных властей по экспроприации частных заводов, как отмечал в одной из своих работ А. П. Таняев, была действительно массовой [см.: Таняев, 4–5]. Однако следует иметь в виду, что рабочие поддерживали политику национализации отнюдь не в силу своей убежденности в необходимости построения нового общества на коммунистических принципах. Рабочие России и уральские рабочие в том числе осуществляли национализацию предприятий не под социалистическим, а под популистским лозунгом «Фабрики — рабочим!» Следуя духу и букве этого лозунга, экспроприруемое предприятие должно было перейти не в государ-

ственную, а в корпоративную собственность трудового коллектива. Для рабочего это означало реальную возможность получить доступ к распределению прибыли предприятия. А для уральского рабочего, кроме того, еще и ликвидацию латифундиального землевладения горнозаводчиков, их исключительных прав на организацию горных промыслов. Раздел горнозаводских дач между рабочими позволял избавиться от извечного «земельного голода», превращал их в собственников земельных и лесных участков, создавая перспективу развития предпринимательской инициативы. Создание деловых советов для управления заводами и округами лишь усиливало эту уверенность. Отсюда и поддержка действий Советов, которая создала у нескольких поколений историков иллюзорную уверенность в том, что рабочий класс Урала с первых дней советской власти прочно стал на ее сторону.

Однако уже весна 1918 г. показала, что это далеко не так. Первой «ласточкой» было антисоветское выступление в Артинском заводе, которое уральские историки в 20-е гг. в соответствии с принятой тогда терминологией окрестили «кулацким» [см.: Баранов, 58]. Здешнее население разогнало местный Совет и создало коалиционный орган самоуправления с участием различных политических сил. Итог этой акции был закономерным: в Арти прибыл «карательный отряд тов. Анфалова», разогнавший «всю эту контрреволюционную свору» [Там же]. Но волна недовольства на уральских заводах продолжала нарастать. В апреле — мае многие из них были охвачены забастовками. Большинство исследователей, разрабатывавших эту тему в первые послереволюционные годы, уклонились от серьезного анализа причин недовольства рабочих политикой большевиков весной 1918 г. Лишь А. П. Танияев и А. Анишев попытались разобраться в причинах этого явления. Но А. Анишев увидел только объективные предпосылки недовольства рабочих — обострение продовольственной ситуации, отставание роста заработной платы от роста цен (к маю 1918 г. по сравнению с 1916 г. зарплата выросла в 3 раза, а цены — в 10 раз) [см.: Анишев, 127—128]. А. П. Танияев же, кроме названных причин, отметил и субъективный фактор, обусловивший податливость уральского рабочего влиянию «мелкобуржуазной стихии», а именно двойственность, маргинальность его социального положения (между наемным работником и мелким земельным собственником) [см.: Танияев, 10]. В своем исследовании «Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.)» А. П. Танияев детально проанализировал социально-экономическую ситуацию, сложившуюся на Урале весной 1918 г. Представленная им картина подводит читателя к мысли о неспособности органов советской власти организовать эффективное управление экономикой и социальной сферой. Отсутствие денег, приводящее к задержкам выплаты заработной платы на 2—3 месяца, дезорганизовало производственный процесс. Неэффективность политики хлебной монополии, разгул спекуляции, расстройство железнодорожного транспорта делали реальной угрозой голода в городах и заводских поселках Урала, ввозившего значительную часть потребляемого продовольствия [см.: Там же, 3—4]. Считая виновниками ухудшения социально-экономической ситуации заводладельцев и представителей буржуазии вообще, рабочие организации и местные советы, как отмечает А. П. Танияев, видели единственный выход в экспроприации

собственности, отсюда и волна реквизиций, прокатившаяся по всему Уралу, по словам А. П. Таняева, «стихийным, неуправляемым потоком» [Таняев, 5]. Однако стихийная национализация лишь усугубила положение. Отсутствие опыта в управлении предприятием и в организации производства не позволяло деловым советам хозяйствовать эффективно. Волна недовольства в рабочей среде продолжала нарастать.

К маю — июню 1918 г. это недовольство, достигнув критической массы, переросло в вооруженные восстания рабочих против большевистской диктатуры. Они имели место на Березовском, Невьянском, Рудянском, Полевском, Северском, Кусинском и ряде других заводов. Пройти мимо этих фактов истории не могли, замолчать их было невозможно. Значит, следовало найти объяснение этому феномену. И обвинения сыплются на головы «соглашательских» партий, увлекших своей демагогией «отсталую часть» рабочего класса. В этом едины все советские историки 1920-х гг. По их мнению, лишь часть, притом «наиболее отсталых уральских рабочих... колебнулась в сторону крестьянской Вандеи» [Там же, 10]. Но, проанализировав некоторые факты, содержащиеся в их трудах, мы можем прийти к выводу, что эта отсталая часть составляла отнюдь не меньшинство. Так, например, А. Анишев отметил, что «на Урале военкомат отказался проводить мобилизацию рабочих, боясь усиления антисоветских восстаний» [Анишев, 146]. Подтверждается это и архивными материалами. Вот отрывок из письма командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом Р. И. Берзина от 26 июня 1918 г., свидетельствующий о массовом отходе уральских рабочих от поддержки советской власти: «...И главное, что ужасно — это то, что все уральские заводы против советов. В тылу нас организуются и вспыхивают белогвардейские заговоры, отвлекающие силы с фронта, разрушающие в основе работу и оборону... На Кусинском заводе — восстание; Полевском, Северском наблюдается то же» [ЦДООСО, ф. 41, оп. 1, д. 115]. Отмечали историки и достаточно частые случаи оставления позиций и даже прямого перехода на сторону противника не только крестьянских отрядов, но и частей, сформированных из рабочих [см.: Кашеваров, 13—14].

Таким образом, видимо, есть смысл говорить о массовой поддержке, оказанной уральскими рабочими силам контрреволюции летом 1918 г. Однако в 20-е гг. в советской историографии эта тема не получила развития вследствие своей чрезвычайной политической остроты. Причину кризиса во взаимоотношениях между советской властью и рабочим классом историки того периода видели не в издержках и ошибках политики партии большевиков, а в политической отсталости значительной части уральских рабочих, а также в подрывной деятельности правых социалистов. Они не смогли правильно оценить объективные и субъективные факторы острой гражданской борьбы, развернувшейся на Урале в 1918 г. Однако уже сама их фиксация является весьма ценным вкладом в историческую науку.

Очередной этап развития отечественной историографии, приходящийся на 30—50-е гг., не внес ничего принципиально нового в изучение интересующей нас проблематики. Его характерной чертой была прогрессирующая идейная стагнация. Из исторической литературы постепенно исчезают упоминания

о неоднородности рабочего класса, наличии в его рядах различных социальных групп. Исчезают и упоминания об особенностях рабочих Урала. Господствующей становится тенденция «подтягивания» характеристики уральского рабочего до уровня пролетариата центральных районов России. Она нашла отражение в трудах многих советских историков [см., например: Гольдич, 68–70; Рычкова, 60–61; Быстрых, 6–8, 19–28; Лисовский, 11].

Восстание чехословацкого корпуса и последовавшая за ним волна контрреволюционных мятежей, по мнению историков, лишь сплотили рабочий класс под знаменами коммунистической партии. И. Недолин, Ю. Бессонов, П. П. Бажов в своих очерках и монографиях постоянно подчеркивали успехи мобилизации рабочих на борьбу с контрреволюционными силами, их решимость до конца отстаивать завоевания пролетарской революции. Правда, П. П. Бажов добавил все же «ложку дегтя» в этот гимн рабочему классу, отмечая, что многие рабочие отряды, уже влившиеся в Красную армию, не хотели все же превращаться в ее регулярные части и подчиняться единому командованию. В их среде были сильны местнические настроения — нежелание уходить от своих поселков, семей. Они были готовы сражаться за революцию, но только защищая свой завод. По мере отступления красных частей на запад эти настроения усиливались, велась тайная агитация за возвращение домой. Дело дошло до прямого неповиновения. За отказ идти в бой был расформирован 1-й Горный полк, наиболее активные участники волнений были расстреляны [см.: Бажов, 80, 96]. Аналогичные настроения среди рабочих Тирлянского завода отметил также И. Недолин, что позволяет сделать вывод о достаточно широкой распространенности этого явления [см.: Недолин, 29]. Однако об открытых выступлениях рабочих против советской власти названные авторы не упоминают. Лишь в военно-исторических трудах Ф. Огородникова и А. И. Гуковского этому вопросу отведено несколько строк. При этом Ф. Огородников попытался подвести под явление объективное обоснование. Он писал: «Связь рабочих с землей приводила к тому, что кулацкое движение и колебания среднего крестьянства находили некоторое отражение и в настроении уральских рабочих» [Огородников, 17]. Как видим, автор разделял взгляды некоторых историков 20-х гг., в частности А. П. Танеева, на причины антисоветских выступлений рабочих Урала летом — осенью 1918 г. А. И. Гуковский, также отмечая единичные случаи контрреволюционных выступлений на уральских заводах (например, в Мотовилихе в декабре 1918 г.), объективных предпосылок для них не нашел и свел все к антисоветской, вредительской деятельности меньшевиков и эсеров [Гуковский, 18]. Наконец, оба автора едины во мнении, что податливость рабочей массы контрреволюционной агитации объясняется тем, что большинство передовых, сознательных рабочих уходило с заводов на фронты, начиная со времен дутовского мятежа. На заводах оставалось очень мало кадровых рабочих и очень много выходцев из буржуазии, кулачества и других слоев крестьянства, спасавшихся на военных заводах от мобилизации во время Первой мировой войны. Но этот тезис не выдерживает критики. Во-первых, Первая мировая война для России закончилась юридически в марте 1918 г. подписанием Брестского мира, а фактически — с приходом к власти большевиков.

Поэтому опасаться мобилизации уже не было необходимости, и те, кто проник на заводы с этой целью, немедленно с ними распрощались. К тому же, как известно, в связи с демобилизацией промышленности фабзавкомы весной 1918 г. произвели чистку предприятий от некадровых рабочих. Мобилизации же в создаваемую на классовых принципах Красную армию представители имущих слоев могли не опасаться. Во-вторых, замена ушедших на фронт кадровых рабочих выходцами из других классов для Урала вообще была неактуальна. Здесь на большинстве заводов имел место огромный избыток рабочих рук, приводивший к неполной занятости — «гулевым сменам». Поэтому проблемы с заменой выбывших кадровых рабочих кадровыми же здесь не было, тем более — в условиях катастрофического спада производства зимой — весной 1918 г.

Обоснование колебаний рабочего класса Урала в сторону контрреволюционных сил в начальный период Гражданской войны изменением его социального состава в период Первой мировой войны надолго закрепилось в советской историографии. Такой версии событий в 60-е гг. придерживались, например, Е. С. Садырина, П. С. Лучевников, а также (в своих ранних работах) О. А. Васьковский. В советской исторической литературе распространенным штампом стал тезис о призыве в армию в 1914—1916 гг. чуть ли ни большей части наиболее квалифицированных рабочих. Причем, по мнению историков, делалось это умышленно якобы для того, чтобы лишить революционное движение его наиболее передового и организованного отряда. Однако это утверждение, во-первых, абсурдно по смыслу, т. к., лишив промышленность наиболее подготовленных кадров, государство обрекает ее на крах, а во-вторых, еще и противоречит фактам. По данным В. В. Адамова, уже в сентябре 1914 г. получили отсрочки все постоянные заводские, рудничные и лесные рабочие, а в 1916 г. были возвращены на заводы все технически необходимые специалисты [см.: Адамов, 165]. Широкие мобилизации рабочих действительно имели место, но носили они весьма своеобразный характер: мобилизованные оставались на заводах. Тем самым решались сразу несколько проблем: предприятие обеспечивалось дешевой рабочей силой, на которую не распространялись социальные гарантии и которая не имела права на забастовки. К 1917 г. удельный вес таких рабочих на частных заводах Урала достигал 30 % [см.: Там же, 166], еще выше он был на казенных.

Слабость приведенной аргументации очевидна, поэтому во второй половине 1960-х — 1980-е гг. историки отказываются от подобного объяснения политической неустойчивости рабочего класса Урала. Исследование В. В. Адамовым социальной структуры и групповых экономических интересов уральских рабочих послужило основой для новых теоретических обобщений. Впрочем, считать их новыми не совсем корректно, т. к. еще на рубеже 20—30-х гг. А. П. Тянёв обосновывал колебания значительной части уральских рабочих наличием у них земельной и другой собственности. Объявленная оппортунистической доктрина А. П. Тянева была основательно забыта, а вместе с нею и то рациональное, что она содержала. Лишь в 1960-е гг. один из крупнейших историков Гражданской войны на Урале О. А. Васьковский вновь ввел в научный оборот социально-экономическое обоснование такого феномена, как антисоветская

позиция значительной части местного рабочего класса. О. А. Васьковский не согласился с той частью системы А. П. Тяньева, которая включала в себя характеристику уральского рабочего как полукрестьянина. Однако он принял и развил тезис о социальной неоднородности горнозаводского населения, включавшего в себя три основные группы: 1) «чистых» пролетариев (пришлые элементы и некоторая доля рабочих частных заводов и горнозаводских мастеровых, не имевших собственных средств производства); 2) мастеровых и вспомогательных рабочих, имевших основным источником дохода работу на заводе, но при этом сохранивших связь с землей в виде усадебной оседлости, покоса, иногда — пашни (эта группа была наиболее многочисленной); 3) население прилегающих к заводам деревень, которое, занимаясь в основном сельским хозяйством, одновременно систематически участвовало во вспомогательных заводских работах (эту группу автор отнес к категории «полурабочих-полукрестьян») [Гражданская война..., 65–67].

Из этого факта О. А. Васьковский сделал вывод о том, что в силу своей привязанности к земле и хозяйству уральский рабочий был подвержен тем же колебаниям, что и крестьянство. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в тот период, когда основная масса крестьянства Урала и Сибири заняла враждебную или выжидательную позицию в отношении советской власти, это нашло понимание и поддержку среди значительной части горнозаводских рабочих. Выводы О. А. Васьковского были новым словом в историографии Гражданской войны. Они подвели ясное социально-экономическое обоснование под решение вопроса о политической позиции в ней рабочего класса. В качестве субъективного фактора, способствовавшего утверждению антибольшевистских настроений среди части уральских рабочих, О. А. Васьковский, как и все советские историки, выделял активную деятельность меньшевиков и эсеров. Автор не избежал неоправданно резких выпадов в их адрес, называя политику социалистов «соглашательской» и «провокационной» [Там же, 67]. Полагаю, они не заслужили такой оценки, поскольку осуществляли агитационную и практическую деятельность в соответствии с идеологическими и политическими установками своих партий. Оценивать ее как провокационную можно лишь с субъективных позиций партии большевиков. Но иной оценки вплоть до конца 1980-х гг. историки просто не имели возможности дать.

К сожалению, уральские историки до сего времени не исследовали вопрос о том, насколько широкой была контрреволюционная волна среди рабочих Урала. Учитывая то, что, как было указано выше, О. А. Васьковский определял группу рабочих, связанных с поземельными отношениями, как наиболее многочисленную, можно предположить, что она была достаточно мощной. Некоторые представления об этом дают проведенные В. З. Дробижевым и его коллегами исследования социального состава рабочих Вятской губернии по данным профессиональной переписи 1918 г. Из них следует, что 23 % рабочих считали себя в той или иной степени связанными с землей: участвовали в ее обработке сами или с помощью членов семьи, сдавали в аренду, либо использовали наемный труд [Рабочий класс..., 136]. Однако авторы отмечают, что эта цифра не дает реального представления о вовлеченности рабочих в поземельные отношения,

поскольку включает в себя лишь тех, кто получал весомый доход от крупномасштабного землепользования. Между тем рабочие, имевшие огороды, покосы, рабочий и продуктивный скот, не считали себя связанными с землей, а наличие подсобного хозяйства рассматривали как естественный атрибут заводского рабочего [см.: Рабочий класс..., 137].

К этому же вопросу обращался Е. Г. Гимпельсон. По его данным почти половина (47 %) рабочих горной промышленности России в 1917 г. имели землю и вели хозяйство [см.: Гимпельсон, 110]. К тому же он подчеркивал, что в результате осуществления Декрета о земле значительная часть рабочих Урала, не имевших земли, получила ее после раздела земель горнозаводских дач. Мало того, значительно возросло количество хозяйств, имевших пашенные угодья. Если в 1916 г. 55 % хозяйств горнозаводских рабочих были беспосевными, то к 1920 г. их доля сократилась до 27 % [см.: Там же, 111–112].

Итак, следует признать, что социальная база демократической контрреволюции среди рабочих Урала была достаточно весомой. Одновременно мы приходим к выводу о необоснованности утверждений советских историков о том, что поддалась контрреволюционной агитации и приняла участие в антисоветских выступлениях лишь та часть рабочего класса, которая состояла из недавних выходцев из непролетарских слоев общества и потому была в наибольшей степени подвержена рецидивам мелкобуржуазной психологии. Во-первых, как уже указывалось выше, для Урала вообще не был характерен массовый приток подобного рода элементов на заводы, даже в годы мировой войны. По данным В. З. Дробужева и его соавторов, в 1918 г. в Вятской и Пермской губерниях 84,2 % рабочих являлись потомственными, а в горнозаводских округах — 91 % [Рабочий класс..., 131. Во-вторых, та незначительная доля непролетарских элементов, которая проникла в среду рабочего класса, была удалена с заводов в результате чистки, проведенной весной 1918 г. по постановлению Наркомтруда [Там же, 137].

Однако подобная трактовка событий пришла в историографию Гражданской войны лишь в 1990-е гг. Ликвидация монополии КПСС на историческую истину позволила историкам по-новому взглянуть на многие, казалось бы хорошо знакомые, сюжеты. Но при этом нам не следует забывать о том, что любые новации возможны только на фундаменте знаний, накопленных предыдущими поколениями исследователей. Не отрицание, а критическое осмысление их опыта позволит историографической отрасли исторической науки успешно решать стоящие перед нею проблемы.

Адамов В. В. Численность и состав горнозаводских рабочих Урала в 1900–1917 гг. // Уч. зап. Урал. гос. ун-та. Сб. 8. 1969. № 72, вып. 9. С. 152–166.

Анишев А. Очерки истории гражданской войны. 1917–1920 гг. Л., 1925.

Бажов П. П. Формирование на ходу : к истории Камышловского 254-го 29-й дивизии полка. Свердловск, 1936.

Баранов А. Октябрь и начало гражданской войны на Урале. Свердловск, 1928.

Бессонов Ю. Рабочие Верх-Исетского завода в гражданской войне. 1918. Свердловск, 1935.

- Быстрых Ф. П.* Возникновение Уральской областной организации РСДРП(б). Свердловск ; М., 1933.
- Гимпельсон Е. Г.* Советский рабочий класс (1918–1920): социально-политические изменения. М., 1974.
- Гольдич Е.* Из истории уральских заводов : (по жандармским обзорам) // Красный архив. 1936. № 1 (74). С. 66–91.
- Гражданская война и иностранная интервенция на Урале / О. А. Васьковский [и др.].* Свердловск, 1969.
- Гуковский А. И.* Ликвидация Пермской катастрофы. М., 1939.
- Кашеваров М. С.* Борьба за советы на Урале // Исетский край : сб. краевед. ст. Вып. 2. Шадринск, 1931. С. 1–24.
- Лисовский Н. К.* Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957.
- Недолин И.* Рейд Блюхера. Уфа, 1932.
- Огородников Ф.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938.
- Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры / В. З. Дробин-жев [и др.].* М., 1975.
- Рычкова Г. П.* Красная гвардия на Урале. Свердловск ; М., 1933.
- Таняев А. П.* Колчаковщина на Урале. Свердловск ; М., 1930.
- ЦДОСО. Ф. 41* (Карты, схемы дислокации частей 3-й армии; Письмо Р. Березина П. Кобозеву от 26 июня 1918 г.). Оп. 1. Д. 111.

Статья поступила в редакцию 15.01.2010 г.

УДК 94“19”(560) + 28

С. С. Бороздин

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕЙ ПАНИСЛАМИЗМА В ТУРКЕСТАНЕ (НАЧАЛО XX В.)

Рассматриваются проблемы, связанные с визитами подозреваемых в панисламизме турецких эмиссаров в Туркестанский край с целью сбора пожертвований в пользу Турции. Описываемые в официальных документах события, как правило, ничего общего с реальными фактами не имели, хотя противостояние администрации генерал-губернатора и коренного населения в действительности существовало.

Ключевые слова: Туркестан, панисламизм, турецкие эмиссары.

Двадцатый век внес существенные перемены в общественную жизнь Туркестанского края. Под влиянием Первой русской революции происходит окончательное становление мусульманского реформаторского (джадидистского¹) движения. Его представители активно включаются в политическую жизнь, налаживая связи с мусульманской фракцией I Государственной думы и партией конституционных демократов. В это же время на имперской политической арене появляется фигура П. А. Столыпина, который сыграет крайне неоднозначную роль в судьбе Туркестана. Его первые шаги в данном направлении служат

¹ От арабского и персидского «джадид» — новый.